

Папоркова Надежда Александровна

МОТИВ СНА В ПОЭЗИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, И. Ф. АННЕНСКОГО И Г. В. ИВАНОВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/45.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 119-120. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Комедиографы этого времени искали пути развития комедии во Франции, где она последовательно пережила влияние античного, итальянского и испанского театров. Зритель середины XVII в. правдоподобности действия и правдивому изображению персонажей предпочитал искусственность сложной интриги, насыщенной невероятными приключениями. На этом фоне оригинальность комедий Скаррона не подлежит сомнению. Понадобилось время, чтобы комедии положений себя полностью исчерпали, а публика наконец-то ими пресытилась, что и позволило затем изменить театр с приходом в него Мольера, который, опираясь на наследие своих предшественников, сумел извлечь из него самое лучшее и развить его в своем творчестве.

Список литературы

1. **История всемирной литературы:** в 9 т. / редкол. Г. П. Бердников (и др.); отв. ред. Ю. Б. Виппер (и др.). М.: Наука, 1987. Т. 4. 687 с.
2. **Лансон Г.** История французской литературы: XVII век / пер. с фр. З. Венгеровой. СПб.: Образование, 1899. 257 с.
3. **Лозовецкий В. С.** Предшественник Мольера // Поль Скаррон: комедии. М.: Искусство, 1964.
4. **Fournel V.** Le théâtre au XVII-e siècle. La comédie. Paris: Lecène-Oudin, 1892. 416 p.
5. **Guichemerre R.** La comédie avant Molière: 1640-1660. Paris: Colin, 1972. 415 p.
6. **Lancaster H. C.** A history of French dramatic literature in the 17th century: in 9 vol. London-Milford: Oxford univ. press; Paris: les Belles-lettres, 1932. P. 2. Vol. 1-2. The period of Corneille (1635-1651).
7. **Magne E.** Scarron et son milieu. Paris: Mercure de France, 1905. 381 p.
8. **Martinenche E.** La comedia espagnole en France. De Hardy à Racine. Paris: Hachette, 1900. 434 p.
9. **Morillot P.** Scarron et le genre burlesque. Paris: Lecène-Oudin, 1888. 432 p.
10. **Richardson L. T.** Lexique de la langue des oeuvres burlesques de Scarron avec une introduction grammaticale: thèse pour le doctorat. Aix-en-Provence: Nicolle, 1930. 284 p.

УДК 82-1

Надежда Александровна Папоркова

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

МОТИВ СНА В ПОЭЗИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, И. Ф. АННЕНСКОГО И Г. В. ИВАНОВА[©]

Мотив сна и онейрических состояний очень часто встречается в литературе, независимо от направления и художественного метода. Общие закономерности, которые присутствуют в формах интерпретации данного мотива, вполне объяснимы. Чаще всего, реализация мотива сна в поэзии имеет форму двоемирия: противопоставления сна и реальности. Не менее распространенными являются мотив пророческого сновидения и метафора жизни-сновидения и смерти-пробуждения.

Сопоставим различные формы художественного воплощения данного мотива в лирике М. Ю. Лермонтова, И. Ф. Анненского и Г. В. Иванова - поэтов разных эпох, направлений и мировоззрений. На основе проведенного исследования выявим как возможное проявление лермонтовской традиции в поэзии Анненского и Иванова, так и индивидуальные особенности интерпретации данного мотива в творчестве каждого поэта.

У Лермонтова мы находим цикл стихотворений «Ночь», в основе которого - мотив сна, стихотворение «Сон» и множество примеров этого мотива в лирике. Сон для лирического героя Лермонтова - некое «окно» в вечность, краткое освобождение и прозрение, возможность увидеть то, чего не открывает реальность. Иногда появляется у Лермонтова и мотив кошмара, страшного пророческого сновидения, вполне характерный для творчества поэта-романтика. Особенность его интерпретации, в основном, характеризуется символическим, пророческим значением сна. Метафорическое значение, столь же характерное для романтиков, параллель жизни и сна (когда сама жизнь подобна сну, а смерть - пробуждению) в лирике Лермонтова встречается редко.

В лирике Анненского сон чаще всего имеет значение, вполне свойственное эстетике и философии символизма: «Этот сон, седая мгла, / Ты одна создать могла...» (Второй мучительный сонет) [1, с. 105];

Когда же сном объята голова, / Читаю грёз я повесть небывлую, / Сторевших книг забытые слова / В туманном сне я трепетно целую («Его») [Там же, с. 117].

Здесь сон - выход в иную, более желанную действительность, может быть, вариация пути «a realibus ad realiora». Но есть и другое значение сна - мучение, наказание, пытка: «Сила господняя с нами, / Снами измучен я, снами... / Хуже томительной боли, / Хуже, чем белые ночи, / Кожу они искололи, / Кости мои измололи, / Выжгли без пламени очи... (Вариант «Сила господняя с нами») [Там же, с. 88].

В этом контексте категории яви и сна меняются полюсами: мир сна уже не спасителен, потому что в нём пустота, напоминающая о смерти, а действительный мир - прекрасен, потому он область жизни.

Проявление лермонтовской традиции в данном случае можно наблюдать на примере лирического сюжета: мотив сна часто становится лейтмотивом стихотворения, приобретает предельную чёткость взамен ирреальной условности. Символическая и композиционная усложнённость стихотворений контрастирует с подчеркнутой простотой художественных средств (общепозитивские или нейтральные эпитеты, сравнения вместо сложных метафор). Но и для Лермонтова, и для Анненского очень важен сложный музыкальный рисунок, создаваемый посредством инструментовки стиха - внутренних рифм, ассонанса, аллитерации в сочетании с анафорами и стыками («В полдневный жар в долине Дагестана... лежал недвижим я... И солнце жгло их жёлтые вершины и жгло меня...» - Лермонтов [3, с. 45]. «Сила Господняя с нами, / Снами измучен я, снами...» - Анненский [1, с. 88]). В обоих случаях сон оказывается состоянием, пограничным между реальной жизнью и другим миром, поэтому именно во сне человеческой душе открывается то, чего она не может постигнуть наяву. Но сквозь сон в сознание лирического героя проникает и вся трагичность жизни - прошлой, будущей, настоящей. Так в стихотворении Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...») представлен сюжет будущей гибели лирического героя, а в стихотворении Анненского «Сила господняя с нами» - напоминание о не вечности, обречённости земной жизни.

У Георгия Иванова мотив сна обычно принимает метафорическое значение. Сон как лирический сюжет редко появляется в его стихотворениях. Вот один из примеров: «Он спал, и Офелия снилась ему / В болотных огнях, в подвенечном дыму. / (...) ... Как просто страдать! Можно душу отдать / И всё-таки сна не уметь передать. / И зная, что гибель стоит за плечом, / Грустить ни о ком, мечтать ни о чём. / («Он спал, и Офелия снилась ему...») [2, с. 94].

Чаще всего сон выступает как метафорический образ самой жизни:

«Долгие годы мне многое снилось, / Вот я проснулся - и где эти годы?»

(«Всё неизменно и всё изменилось...») [Там же, с. 121]. «А если не предрешено? / Тогда... И я могу проснуться / (О, только разбуди меня!). («Луны начищенный пятак...») [Там же, с. 123].

Не метафорическое, а буквальное значение сна в поэзии Георгия Иванова связано с возможностью освобождения из тесного, замкнутого круга реальности: «Нас не обманывают только сны. / Сон - всегда освобождение: мы / Тайно, безнадежно влюблены / В рай за стенами своей тюрьмы. / Миллионеру - снится нищета. / Оборванцу - золото рекой. / Мне - моя последняя мечта, / Неосуществимая - покой». («Нас не обманывают только сны...») [Там же, с. 130].

Здесь явлен принцип антитезы, сновидение и явь противопоставлены друг другу. Для других стихотворений Иванова характерен иной тип взаимоотношений сна и реальности - зеркального отражения (и сон, и явь одинаково призрачны, очнуться ото сна или навсегда уснуть - родственные ощущения). Лермонтовскую традицию мы находим во взаимосвязи и взаимном превращении сна и яви: одно раскрывается через другое, стираются грани между иллюзией и реальностью, пророчеством и его исполнением, мечтой и её несбыточностью. Как преломлённые лучи, закономерности яви достигают сна и продолжают своё действие, а наяву вполне уместны принципы и законы сна.

Таким образом, мотив сна незримой нитью соединяет три разных художественных мира, и его проявление в этих мирах подтверждает их родство. Сколько ещё таких связующих нитей - об этом может узнать лишь с помощью подробного и глубокого исследования различных форм «лермонтовского текста» в поэзии Анненского и Иванова. На основе проведенного исследования мы убедились в том, что мотив сна является одним из метафорических ключей к художественному мировоззрению, к пониманию категорий жизни и смерти, свободы и неволи, иллюзии и реальности, истины и обмана, времени и вечности в творчестве каждого поэта.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Избранные произведения. Л., 1988.
2. Иванов Г. В. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1994.
3. Лермонтов М. Ю. Лирика. М., 2006.

УДК 81'373.612.2

Татьяна Борисовна Пасечник

ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт»

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ[©]

Осмысление категории времени в языковой картине мира всегда предполагает явное или чаще скрытое сопоставление двух субъектов действия: времени и человека. Анализ показывает, что метафорические фразеологизмы, в которых представлена категория времени, включают субъектно-объектные отношения чело-